

ФИКЦИОНАЛЬНОСТЬ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В.А. Гуторов, канд. филол. наук (Харьков)

Осмысливается оксюморонная природа фикции и науки в их онтологии и науки в их онтологии и интерпретационном сознании современного культурного пространства. Рассматривается принцип организации конфликтных отношений между Миром и стереотипами его восприятия в ключе ортодоксальности и нормативной конвенциональности. Исследуются процесс субстантивации фикции в пространстве научного сознания и научной практики из эффекта несоответствия методологического и онтологических планов, составляющих научный гуманитарный дискурс.

Ключевые слова: гуманитарное знание, интерпретация, конвенциональность, научный дискурс, норма, онтология, фикциональность.

В.О. Гуторов. Фікціональність у науковому дискурсі. Осмислюється оксюморонна природа фікції та науки в їхніх онтології та інтерпретаційному просторі. Розглядається принцип організації конфліктних стосунків між Світом та стереотипами його сприйняття у ключі ортодоксальності та нормативної конвенціональності. Досліджуються процес субстантиватії фікції у просторі наукової свідомості та наукової практики з ефекту невідповідності методологічного та онтологічного планів, що складають науковий гуманітарний дискурс.

Ключові слова: гуманітарне знання, інтерпретація, конвенціональність, науковий дискурс, норма, онтологія, фікціональність.

V. Gutorov. Fictionality in the Scientific Discourse. The oxymoronic nature of fiction and science is considered in their ontology and interpretational space. The paper approaches the principle of organization in the conflict relationship between the World and the stereotypes of its perception in terms of orthodoxy and normative conventionality, and studies the process of fiction substantiating from the effect of discrepancy between the methodological and ontological plans, which comprise the scientific humanitarian discourse, in the space of scientific consciousness and scientific practice

Keywords: conventionality, fictionality, humanitarian knowledge, interpretation, norm, ontology, scientific discourse.

Объектом исследования в данной статье является категория фикциональности в её конструктивной и деструктивной дискурсообразующей роли.

Предметом исследования является природа взаимодействия фикциональных и научных принципов организации современного культурного сознания.

Цель данной статьи – осмысление и научная интерпретация оксюморонной природы сопряжения фикциональных и научных принципов в дискурсивных пространствах научных практик. Материалом исследования является современная научная практика в словесном и культурно-визуальном выражении.

Актуальность исследования определяется задачами современной синергетической парадигмы гуманитарного знания, осмысливающей дискурсивное многообразие Мира в его онтологической и интерпретационной сущности на основе мировоззренческих, теоретических и поэтических универсалий, определяющих мысль и слово.

Научный дискурс со всей его отраслевой спецификой имеет общую постоянную безусловную особенность – модус серьёзности, который объединяет и план продуцирования, и план восприятия. Это определяется спецификой данной формы общественного сознания, жанровые законы которой обуславливают гносеологию, прагматику, этику науки, организующихся под знаком завершённости / результативности / позитивности. Идеологическая структура научного дискурса обуславливает его нарратив и метаязык, лингвистические особенности которых близки к энкратическому языку (Р. Барт) или языку доксы, языку власти. Разумеется, власть понимается широко: не только как административная, политическая, идеологическая, но и как власть мыслительных, культурных, поведенческих, этических стереотипов. Эти законы научного дискурса, имеющие конститутивный и функциональный смысл, с одной стороны, определяют высокий социально-культурно-идеологический статус науки, а с другой, упрощают и искажают природу науки как мыслительного феномена, выражающуюся в его процессуальности, эвристичности, парадоксальности. Методология власти искажает объект своей монологичностью, однозначностью, позитивностью, исключаящими его многомерную интерпретационную природу. Так, например, в современном научном сознании онтологизируется понятие массовой культуры, которая по своим конститутивным поэтико-идеологическим признакам противопоставляется элитарной культуре. А между тем это понятие может определяться не столько онтологически, сколько в сфере восприятия и интерпретации. Скажем, для определенного сознания и роман «Анна Каренина» – массовая культура, а для другого, философски открытого – песни Исаковского могут войти в интерпретационное пространство элитарной мысли. Очевидно, можно говорить, что энкратичность мысли в научном дискурсе превращает его реальный объект в фикциональную данность, относящуюся к сфере жёсткой онтологии, а это ведёт за собою фетишизацию принципа номинации и классификации в методологии лингвистической науки, который определял научное сознание в течение долгих лет, воплощаясь в научной практике, в её проблемах, достижениях, перспективах. На сломе методологических презумпций (методология – интерпретация) возникают фикциональные, ложные мыслительные ходы, охраняемые традиционным модусом серьёзности науки. Выход из модуса серьёзности и для авторского, и для воспринимающего сознания связан с изменением типа дискурсивности – прямого на не прямой: смыслы утрачивают однозначность соответствий

между означающим и означаемым и приобретают множественность интерпретационно устанавливаемых логико-семиотических отношений, возможных в несерьёзном, не прямом, смеховом дискурсивном пространстве.

«Законы Мерфи» Артура Блоха представляют науку мерфиологию, воплощённую в научном дискурсе непрямого типа, взрывающем нормативные стереотипные установки научного нарратива, при этом содержательная составляющая и метаязык соответствовали бы научной дискурсивной норме, если бы не модус несерьёзности, растворённый в тексте (чувствуется, что идёт обман).

На первый и, возможно, ортодоксальный взгляд такое сочетание – фикция и наука – имеет оксюморонный характер.

Если фикция определяется несоответствием реальности и тех форм сознания, в которых абстрагируется эта реальность, отождествляясь главным образом с понятием социальной лжи, то в пространстве научного сознания и научной практики фикция субстантивируется из несоответствия методологического и онтологического планов, составляющих научный дискурс. Фикциональную природу могут иметь научные мифологемы, искажённо и условно формирующие и представляющие научное гуманитарное знание.

Знание же и в эмпирической, и в экзистенциальной его ипостаси в человеческом сознании, в различных практиках общественной жизни в разных её временных срезах воспринимается как безусловная ценность, как коллективный продукт человеческой мысли и человеческого духа.

Высокий модус безусловности в восприятии знания и различных сфер деятельности, создающих его, вместе с пафосом фетишизации порождает фикциональные моменты восприятия, понимания, интерпретации результатов, продуктов научного дискурса.

Разумеется, речь может идти о разных дискурсивных типах восприятия – от обыденного до научного. Но в данной ситуации они конвергентны, смыкаясь в оценочных категориях истинности и значимости знания.

Такая аксиологическая однозначность размыкается в энкратическое пространство человеческого сознания, организованного по принципу властного подчинения Одного Другому, в каких бы формах это не выражалось. Это имманентное свойство человеческой природы на социально-культурном уровне является основой феномена нормы – этической, эстетической, социальной, речевой и, безусловно, научной.

Всё человеческое сознание в разных его формах, вся его практическая деятельность подчиняется строгому канону, правилу, регулируется законами доксы.

Мыслительный и поведенческий императив организует человеческую жизнь по принципу стереотипных рядов на всех уровнях её организации. Это явление двуединой природы: с одной

стороны, Человек нуждается в поддержке в понимании Мира и реализации всех жизненных коллизий, и в этом смысле норма – внешний по отношению к Человеку феномен, содержательно и формально определяющий его жизнь. А с другой, норма становится организующим принципом нравственной сущности Человека. В этом контексте можно вспомнить мысль Канта, выражающую природу его мироощущения и миропонимания как самое большое удивление, которое пережил философ в связи со своим восприятием звёздного неба над головой и нравственного закона внутри нас:

Zwei Dinge erfüllen das Gemüt mit immer neuer und zunehmender Bewunderung und Ehrfurcht, je öfter und anhaltender sich das Nachdenken damit beschäftigt: der bestirnte Himmel über mir und das moralische Gesetz in mir [4, S. 205].

В отношении к норме философская мысль неоднозначна. Если Кант актуализирует нравственный закон как стержневую категорию своей личности (срв. как в переводах персонифицированная мысль (внутри себя) переводится в план множественный (внутри нас), то в других философских системах определяются парадоксальные смыслы, сопровождающие понимание нормы, заключённое в философских суждениях. Так, мысль М.К. Мамардашвили «Мир не обязан держаться в рамках нашего ума» [1] в иронически-императивной тональности утверждает конфликтные отношения между Миром и стереотипами его восприятия, понимания рефлектирующим сознанием Человека и общества в ключе ортодоксальности, утверждаемом жёстким принципом нормативной конвенциональности. Кстати, этот принцип имеет тенденцию к «скрытому» существованию в научном и обыденном сознании, тенденцию к растворению в имманентных свойствах онтологии определённого фрагмента действительности. Человеческое сознание склонно настраиваться на волну безусловности критериев в восприятии и интерпретации объекта, поддерживаемых незыблемой нормой. А на чём держится эта незыблемость, как в норме сочетается имманентный и конвенциональный планы – эта проблема недоступна не только широкому общественному сознанию, но и традиционно научному. Некоторое пренебрежение философским планом нормы как основной категории, определяющей личностное и общественное сознание в его преломлениях в деятельностных и речевых практиках, сказывается на речевом узусе, мыслительном, экзистенциальном культурном планах нашей жизни.

Тяга к безусловности, однозначности, упрощённости, поддержке формируют генетическую культурную память, которая в поколениях хранит: с одной стороны, ценностное отношение к норме, а с другой, поверхностное её понимание.

Разумеется, и норма, несмотря на свою властную природу, подчиняется тем тенденциям, которые формируют современную жизнь в её социальной культурной, духовно-мировоззренческой инфраструктурах.

Угасание культурной памяти, исчезновение культурной и литературной элиты – людей и их творчества – утрата к ним общественного интереса, превращение общества, организованного по принципу литературоцентричности, в общество рекламоцентричное, в котором реклама удовлетворяет и прагматические потребности современного человека, напряжённый темпоритм жизни, другой, по сравнению с XIX–XX веками, – всё это привело к почти полному угасанию произносительных норм русского литературного языка. Такие понятия, как старомосковское произношение, разница, скажем, между московским и ленинградским произношением как московским иканьем ([з'и]лёный) и ленинградским эканьем ([з'е]лёный), как русское сценическое произношение с долгим мягким [жж']: жу[жж'а]ть на месте двойного [жж] (во[жж'и], дро[жж'и]) или на месте жж: уе[жж'а]ть, по[жж'е]; мягкое [р']: ве[р']х, четве[р']г; фрикативное [γ] в слове Бо[γ] и в церковнославянских словах, типа бла[γ]о и однокоренных; п[о]эзия, б[о]кал с подчёркнутым [о] как стилизация под высокий старинный слог – вся эта орфоэпическая конкретика не воспринимается ухом и языковым сознанием, современного человека даже при всей его терпимости к причудам русского языка.

А ведь ещё сорок лет назад М.В. Панов в книге «Русская фонетика» так проблемно, в вопросах организовал раздел «Орфоэпия»: «Петак или пита́к? Шары или Шэры? Это вре[м'ъ] или это вре[м'и]? Ходют или ходят? Старался или старался? С[о]нет или с[а]нет? Зьверь или зверь? Х кому или к кому? Студенка или студентка? Шшьука или шчука? Ежжу или ежжю? Бла[γ]о или бла[г]о? [2].

Произносительные варианты в литературном языке были актуальной проблемой научного сознания того времени и актуальным содержанием гуманитарного знания, которое размыкалось в реальную жизнь.

Очевидно, для современного произносительного узуса уже не существует понятия «вариант», впрочем, как и нормы вообще.

Как своеобразный островок анахроничной уже произносительной культуры в нашей жизни можно рассматривать сценическую речь.

В современных фильмах о нашей жизни, которые создаются по принципу полной адекватности реальной действительности – темпо-ритма, течения времени, вещного мира, ценностных установок, эстетических эмоций – элитарное сценическое произношение в устах цыганских парней из табора или матёрых уголовников, воров в законе обращает на себя внимание своей полной несуразностью («Кармелита», «Зона»).

Можно, очевидно, говорить о своеобразном фикциональном статусе современных производственных норм, поскольку они утратили основную составляющую норму – функциональность и в пространстве языкового сознания и в пространстве жизни.

Норма как одна из основных категорий научного дискурса, образующих его онтологический и функциональный смысл, предопределяет мышление в общепринятых, канонизированных общественным сознанием стереотипах. На эту ситуацию превращения конструктивного смысла нормы в создании содержательных феноменов в его противоположность - деструктивную роль в мыслительном процессе, блокирующую его эвристичность и самобытность, реагирует философская мысль. В этом контексте значима образно-интеллектуальная метафора Л. Витгенштейна: «В долинах глупости для философа больше травы, чем на голых вершинах ума» [3].

В пространстве научного сознания и научной практики фикция субстантивируется из эффекта несоответствия методологического и онтологического планов, составляющих научный дискурс. Фикциональную природу могут иметь научные мифологемы, искажённо и условно формирующие и представляющие научное гуманитарное знание. Такой мифологемой методологического смысла, имеющей принципиальный конституирующий характер в научной деятельности, можно считать понимание линейной природы мыслительного процесса. Такое понимание определяет содержание администрирования в научной деятельности, характер обязательных к исполнению требований, предъявляемых к научным, статьям, монографиям, диссертациям.

По административной логике в сочинениях научных жанров должна определяться хронологическая линейная последовательность изучения объекта, представленная авторитарным рядом имён, с указанием на начало процесса, особенности его течения с формулировкой и предсказанием относительно завершения этого процесса. Исследователь обязан чётко представлять себе своё место в этой линейной последовательности, свой объём работы в коллективном труде, который в перспективе имеет безусловно завершённый характер.

Такая наивная позитивистская установка приобрела статус государственного руководящего документа и принята к исполнению научной общественностью. При этом фикциональность определяет уже соотношение официально-административного и научного дискурсов, т.е. реальный фрагмент жизни.

Вступает в силу конвенция молчания, допускающая такой методологический нонсенс. Одна фикция порождает другую: в научном пространстве уживаются принципиально противоположные методологические и теоретические концепции – представление о линейном

(с началом, серединой и концом) характере мыслительного процесса в гуманитарном знании наряду с утверждением аттракционного способа организации познания объекта.

Лингвистические мифологемы заключают фикциональный смысл, потому что смещённом, гипертрофированном, наивно-декларативном виде представляют определённое содержание. Так, например, в учебной литературе ставится вопрос: «Какая азбука удобнее – глаголица или кириллица?» Очевидно, при этом не возникают размышления о том, для кого удобнее, с позиции какого языкового сознания определяется эта оценка, в каких жизненных обстоятельствах формируется это сознание.

В современном культурном обиходе и даже в лингвистическом научном дискурсе распространена мифологема о мелодичности языка. Эту мелодичность распределяют по местам (I–II–III): французский, итальянский, украинский, подкрепляя такое членение высказываниями выдающихся людей. Очевидно, в этой связи можно вспомнить мудрость из папуасской сказки – «каждому милее его жена» (так человек рассудил спор двух страшнейших злых демонов). Научным соответствием этой мудрости может быть мысль о том, что объект в гуманитарном сознании имеет не феноменологический, а интерпретационный характер.

Мифологема с фикциональным смыслом может иметь ложное эмпирическое сознание. Так, например, очень многие уверены, что в консонантнописьменных иврите и арабском, гласные на письме никогда не обозначаются.

Фикционально смещённые методологические установки порождают в научном сознании и научном дискурсе широкое фикциональное пространство, обладающее тенденцией к захвату новых сфер жизни. В этом пространстве узаконено понимание гуманитарного знания как линейно-хронологического процесса, имеющего завершённый характер. Ещё немного поднатужиться и изучение Пушкина, Толстого или Шукшина будет завершено. Здесь блокируется аттракционный способ познания гуманитарного объекта и не принимается во внимание, что объект этот имеет не столько феноменологическую, сколько интерпретационную природу. В этом пространстве в наивно-обыденном оценочном ключе трактуется смысл философских категорий объективность / субъективность как плюс и минус. А категориальный ряд текст – автор – читатель как центрообразующий стержень герменевтической и майевтической парадигмы, осмысливающей словесную культуру, заменяется сакраментальным вопросом: «Что нам хотел показать автор?»

Перефразируя мысль М.К. Мамардашвили об отслоении слова от действительности, можно определить жизненную ситуацию в этом пространстве как отслоение научной деятельности от научной мысли в её безусловных достижениях.

Современным научным сознанием принято считать фикциональным и целостным дискурс, если он лишён мысли, страдает «драмой безыдейности» (Н. Бор) или дискурс в не прямом, смещающем планы реальности и ирреальности повествования.

Эта научная дискурсивная ситуация определяется не только опытом отечественной науки. Показательны в этом смысле размышления Дейвида Лоджа, английского профессора-филолога. Пародируя научный дискурс в его эпистемологических ценностях и метаязыке, он представляет в своем романе “Small World” коллизию с научным докладом одного из своих персонажей на тему “Textuality as Striptease” [5]. По мере того, как Моррис Зепп читает свой доклад с эпатажной, а поэтому как бы фикциональной установкой, читатель проникается модусом мерцающей неоднозначности смыслов дискурсивных фрагментов. «Непрямое», смеховое звучание утихает, а к «прямому» восприятию устремляются смыслы, близкие к традиционным научным сентенциям. Рассмотрим, например, такой фрагмент текста: “To understand a message is to decode it. Language is a code. *But every decoding is another encoding.*” [5, p. 25]. В докладе Зеппа смещаются в неконвенциональное пространство объект исследования и дискурсивный фоновый материал, но аналитический принцип и категориальный аппарат остаются в традиционном виде. Более того, такая фикциональная дискурсивность открывает возможности для порождения научных смыслов, включает действие, механизм смысловой аттракции. Именно так, как живую мыслительную данность, воспринимают текст доклада персонажи романа, готовые развить его идеи в своих исследованиях:

“I’m working on the subject of romance for my doctorate,” said Angelica, “and it seemed to me that a lot of what you were saying applied very well to romance.”

“Naturally,” said Morris Zapp. “It applies to everything.”

“I mean, the idea of romance as narrative striptease, the endless leading on of the reader, a repeated postponement of an ultimate revelation which never comes – or, when it does, terminates the pleasure of the text...”

“Exactly,” said Morris Zapp. [5, p. 29].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамардашвили М.К. Стрела познания (набросок естественноисторической носеологии). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 304 с. 22.
2. Панов М.В. Русская фонетика. – М.: Просвещение, 1967. – С. 438. 3.
- Руднев В. Язык и смерть. http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_1/2000_11.html. 4. Kant I. Kritik der praktischen Vernunft. – Leipzig: Verl. von Felix Meiner, 1922. – 220 S. 5. Lodge D. Small World: An Academic Romance. – L.: Penguin Books, 1985. – 338 p.